

Таллиннский университет
Институт гуманитарных наук
Эстонский фонд семиотического наследия

ЗАРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ МИНЦ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

**ПУБЛИКАЦИИ,
ВОСПОМИНАНИЯ, СТАТЬИ**

К 90-летию со дня рождения

Редакторы-составители
Татьяна Кузовкина,
Михаил Лотман, Мая Халтурина

Издательство ТЛУ
Таллинн 2017

Bibliotheca LOTMANIANA

Зара Григорьевна Мини, Начало 1980-х годов.

И ЗАРА ГРИГОРЬЕВНА РАЗРЕШИЛА...

Мая Халтурина

(Москва)

Нужно ли объяснять, что когда я пишу «мы», я имею в виду некий гипотетический круг людей, которые, возможно, думали и чувствовали то же самое, что и я? Границы этого круга размыты, и само его существование под вопросом. В другие времена, в других кругах все могло быть иначе.

Когда я думаю о Заре Григорьевне, у меня в памяти возникает образ какого-то серебряного сияния... Это ее улыбка, глаза, ее седые волосы, даже ее костюмчик, нарядный, он же повседневный, в серебристо-серый цветочек...

Зара Григорьевна – ровесница моей мамы, но тогда, в 1982-м, когда я поступила в Тарту, мне казалось, что она старше на еще одно поколение. На самом деле ей было почти столько же лет, сколько мне сейчас. Но возраст – категория, которую невозможно понять умом. Особенно в молодости. На молодых фотографиях, которые я увидела гораздо позже, Зара Григорьевна ошеломительно красива. Но и тогда, в возрасте моей мамы (а мне казалось, что – бабушки), возраст был ее украшением. Маленького роста, с милой переваливающейся походкой, с лицом, бледным от бессонных (в том числе – из-за наших дипломов) ночей, с серебряной сединой, с сияющей улыбкой, красавица.

Все знали, и вдруг я тоже узнала – старшекурсники мне сказали! – что это ей посвящена песня Окуджавы «В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы». И что «ее глаза в иные дни обращены» – это про Серебряный век и Блока. Окуджава, конечно, тоже гений, этим «портрет одной прекрасной дамы» он сразу и вечноженственную незнакомку по-свойски свел с небес на землю, и обыкновенную женщину (героиню, слушательницу, музу) до небес вознес. Окуджава выступал где-то в Раквере или Вильянди, все поехали, а я не поехала, потому что у меня была несчастная любовь

и надо было поплакать в опустевшем общежитии. Интересно, а Зара Григорьевна была на концерте? Она знала, что песня – про нее? Знала, что она прекрасна?

В те времена, когда мы еще выпивали, в нашей экс-тартуской девичьей компании первый тост всегда был за детей, второй – за родителей, третий – за профессуру. Профессора Юрия Михайловича Лотмана называли ЮрМихом, а Зару Григорьевну Минц – Зарой, Зарочкой или Заркой. В этом последнем варианте, не было, вопреки законам русского языка, ничего пренебрежительного. Это была просто еще одна уменьшительно-ласкательная форма. Знаю по себе: Майкой меня называют только самые близкие люди – папа, фотограф Яша Веткин, Лариса Ильинична... Зару Григорьевну называли З. Г., а главное здание (университета) – Г. З. Нас очаровывало это созвучие. «Ты пойдешь в Г. З. на З. Г.?» В другой шутке обыгрывалось, как сами профессора называют друг друга. Лариса Ильинична Вольперт спрашивает на кафедре: «Скажите, профессор Павел Семенович Рейфман не приходил?» Зарочка: «ЮрМих не пробегал?»

... Это было на первом курсе. Была весна с сугробами и капелью. Мы с папой и Ларисой Ильиничной шли от главного здания на улицу Кингисеппа – и встретили Зару Григорьевну. Лариса Ильинична говорит: «Зара, познакомься, это Талик, мой друг детства!» Двухминутный общий разговор, я беспардонно заявляю, что собираюсь изучать творчество Мандельштама... Но дело не во мне. Мне навсегда запомнилось, какое – после этих двух минут с Зарой – было у моего папы лицо. Счастливое. У папы был дар чувствовать людей, угадывать их, дар восхищаться. Он был восхищен Зарой, он сразу понял, какая это огромная личность. И потом, когда я еще училась, и позже, если речь заходила о Заре, на папином лице всегда появлялась тень той счастливой улыбки.

Дальше надо написать банальное: мы, бывшие рядом с нею каждый день, не понимали своего счастья, пропускали лекции, заваливали курсовые, пропадали из Тарту. Падали, как в омут, в академки, эсматы, декретные отпуска. Писали в деканат фантастические заявления с просьбой об отчислении – «потому что у

меня нет больше сил учиться в вашем университете»... У Зары всегда были силы. Она была железная, двужильная. Я помню только один раз, когда она сказала горько и сурово: «Вы же знаете, какая у меня тяжелая жизнь». Она пришла на семинар в восемь утра, прямо с ленинградского автобуса, а в аудитории никого нет. Да, мы вроде бы знали, понимали: едва ли не каждую неделю она ездила из Тарту в Ленинград, в библиотеку, в архивы... Но на самом деле – нет, мы не знали, какая у нее была жизнь. Доставляли ей огорчения, подводили. И не помню ни одного случая, чтобы она рассердилась, отругала, разнесла бы в пух и прах чью-то работу. Как педагог (от бога) она была бесконечно терпелива, добра, внимательна. Учила, помогала, дарила свое драгоценное время и силы всем своим студентам – талантливым и бездарным, прилежным и ленивым. Честный садовник, она ухаживала за всеми цветами без разбору – красивыми и уродливыми, могучими и хилыми. В этом была и королевская щедрость, и железный демократизм.

Недавно из одного телефильма про Зарочку и ЮрМиха я с удивлением узнала, что она была строгой матерью своим детям. А с нами ведь была такой мягкой, даже снисходительной... Но потом я поняла: как все люди высокого благородства, Зара была строга к себе и снисходительна к окружающим. Дети не были *окружающими*. Они были для нее частью себя, и к ним применялось правило строгости.

Вообще-то пора признаться, что я помню о Заре постыдно мало. И пишу тут по праву любви («я только влюбленное зеркало, в котором она отразилась...»), а не потому что хорошо ее знала, была любимой ученицей или близко общалась. Нет, не близко. Но мне запомнилось несколько разговоров с ней, некоторые ее слова, которые застряли в голове, недопонятые, на долгие годы. В какую-то сессию я никак не могла сдать зачет по эстонскому языку, и Зара Григорьевна сказала: «Понимаете, Мая, вы просто должны показать, что приехали сюда не как оккупант». И я *вообще* ее не поняла. Дочка вполне свободомыслящих родителей, в десятом классе прочитавшая «Записки об Анне Ахматовой» и воспоминания Надежды Мандельштам, я (как написано в одном романе) ни сном ни духом не ведала, что нахожусь на оккупированной территории.

Эстония казалось прекрасной, но легальной границей, а все мы тут – очарованными путешественниками.

Когда в Тарту ты с кем-нибудь знакомишься, всегда первым делом спрашивают: ты откуда – из Москвы, Ленинграда, Таллинна? Ты в какой комнате (общезития) живешь? И еще конечно же: ты у кого в семинаре – у ЮрМиха? У Зары?.. Невозможно было дружить с кем-то, *не зная*. Это как шифр, чтобы разгадать – кто ты такой. Вот и сейчас, вспоминая своих однокурсников, я вспоминаю и это клубящееся облако смыслов, связанных с ними: Ирка была из Киева, Женька из Челябинска, а Ленка – из Риги, она жила на третьем этаже, в другом конце коридора, и писала курсовую у Лотмана...

Не хочу сказать, что между семинаристами ЮрМиха и Зары было какое-то соперничество или антагонизм, нет, но было чувство особости. Особенности. В маленьком и очень замкнутом мире Тарту (таком замкнутом, что иногда казалось даже, что за его пределами вообще ничего не существует!), они оба были словно два светила, превосходящие по размерам ту солнечную систему, в которой им приходилось вращаться. Каждый из нас испытывал на себе притяжение и влияние этих двух небесных тел.

Мне помнится, что Зара, в отличие от ЮрМиха, называла нас по именам, без отчеств. В наших отношениях с ней всегда была иерархия: мы смотрели на нее снизу вверх. Но в этой иерархии было уютно и нежно. Уча и помогая, она никогда не подталкивала, не тыкала носом, не делала что-то *за нас*. Каждому деликатно предлагалось самостоятельно подняться еще на одну ступеньку и почувствовать себя будущим ученым. Это был щедрый приглашающий жест, профессиональный аванс, даваемый на вырост, но очень тонкий, не демонстративный.

За неимением других примеров, расскажу о себе. По случаю моей нахальной любви к Мандельштаму я писала у нее в просеминаре работу «Город в русской поэзии начала XX века». Зара так и объяснила мне – не помню, какими словами, но они были очень простыми, обыденными – что за любовь к Мандельштаму начальство нас (нас!) по головке не погладит, поэтому мы добавим к нему Ахматову, а тему специально обозначим туманно... Ей в голову не приходило,

что я могу ее не понять, или понять не так, или где не надо об этом растрезвонить. Она мне, 19-летней второкурснице, априори доверяла. Всем нам доверяла. Рассказывала семинаристам анекдоты времен суда над Гариком Суперфином. А за курсовую поставила мне хорошую оценку, хвалила, но сказала, что читая ее, так и видела пред глазами две синие книжки – имелись в виду Мандельштам и Ахматова в «Библиотеке поэта». Имелось в виду, что, кроме них, я ничего не читала и совершенно не представляла себе *контекст*. Она показала мне эту ступеньку, на которую я могла бы подняться. В следующий раз.

В следующий раз я писала про Сибирь у Толстого и Сахалин у Чехова. И только после защиты, вполне благополучной, в разговоре с глазу на глаз Зара полувопросительно сказала мне: но ведь то-то и то-то можно было бы трактовать еще и в другом ключе, да? И снова я поняла, что чего-то недопоняла. Но она не объяснила, *чего именно*. Не стала разжевывать, не сказала: надо было сделать то-то... Она открыла дверь, чтобы я вошла и сама увидела, что там за нею. Я увидела только то, что смогла. Я была хилым цветком.

Последнюю тему, которую она дала мне незадолго до своей смерти, пришлось поменять. И Зара Григорьевна по своей доброте, сохранившейся в ней и за гробом, разрешила. Это случилось во сне. Когда я напишу роман «Тарту в снах русских филологов», туда войдет рассказ Греты Тальвет, которая на посиделках после защиты сказала, что скоро ей придется использовать новый вид примечаний: «Сообщено Зарой Григорьевной Минц. Устное сообщение во сне». А мне приснилось, что я в черно-белом парке Тяхтвере, среди мокрого снега и голых деревьев, и вижу издалека ЮрМиха и Зару, которые идут по дорожке. Я бросаюсь к ним и здороваюсь, но они молчат и только улыбаются. Я говорю: «Зара Григорьевна, можно мне поменять тему курсовой работы?» И Зара Григорьевна кивает...

Тут надо вспомнить любимый рассказ ЮрМиха – про Дельвига, который поспорил с кем-то о загробной жизни, и тот, кто умрет первым, должен был прийти к оставшемуся в живых. «*И Дельвиг пришел*», – медленно и торжественно провозглашал ЮрМих. Я попросила разрешения поменять тему – *и Зара Григорьевна разрешила*.

Уже на втором курсе Зара Григорьевна объяснила нам, что надо сначала прочесть все, написанное до тебя, а потом уже писать. Поэтому, наверное, я и не стала филологом. Перфекционист, дремавший во мне, сразу понял, что все прочитать невозможно, и махнул на меня рукой. Но Зара Григорьевна верила в меня, она дала мне тему, связанную с одним из ее любимых чеховских рассказов. И вот, просматривая литературу по Чехову, я обнаружила, что много лет назад она сама написала статью об этом! Какой конфуз. Конечно, теперь мне и браться не стоило. Я подумала: ну что ж, Зара, наверное, просто забыла. Так бывает. Помнила только, что была интересная тема, которую неплохо бы проследить в этом рассказе Чехова. А что она сама уже это сделала – забыла! Только сейчас, спустя много лет, до меня дошло, что копнув первый слой, она, возможно, увидела за ним и второй, и третий, с блестящими в земле крупинками золота, но ограничилась только одним слоем, а мне по-царски предложила искать дальше... Она снова открыла дверь, но я вошла и ничего не увидела, а она не говорила, куда смотреть. Приглашающая педагогика Зары Григорьевны Минц.

Нашей влюбленности в Зару совершенно не мешали апокрифические истории о ее рассеянности, неприспособленности к быту и разных нелепостях, которые с ней случались. Наоборот, они делали Зару в наших глазах еще очаровательнее, а наши чувства – теплее. Рассказывали, что в молодости она как-то сварила кашу со спичками. Уронила коробок в кастрюлю и не заметила, пока дети не начали есть. Пошла утром на работу, снимает на кафедре пальто – а платье-то она надеть забыла. Ни в коем случае не утверждаю, что *так было*. Утверждаю только, что *так запомнилось*.

Больше всего мне нравилась совершенно фантастическая история о том, как юная Зара пришла в ресторан со своим научным руководителем Дмитрием Евгеньевичем Максимовым. Кажется, это Ахматова когда-то сказала – помните? – что руками можно есть все, кроме компота. Увы! На десерт подали консервированный персик. Зара, якобы, положила его в рот целиком – и после этого не могла уже ни разжевать, ни проглотить, ни выплюнуть, и Дмитрию Евгеньевичу пришлось ножом разрезать персик прямо у нее во рту... Ну, это

уже ни с чем не сообразно! Как такое могло быть? Да ни за что не было! И все-таки меня восхищает эта сценка и рыцарский поступок профессора, спасающего свою даму. Образец педагогического такта! Уверена: будь это на самом деле, Максимов именно так и поступил бы и не стал бы любить Зарочку меньше...

В ресторан мы с Зарой Григорьевной не ходили, но часто сидели в студкафе, и там были ее любимые пирожные – корзиночки с кремом, которые ей было *нельзя*, но она по-детски хитрила, утверждая, что *можно*, потому что крем-то белковый. Иногда семинары проходили у Зары дома, и тогда мы пили чай с бутербродами и чувствовали себя счастливыми, избранными. Мы знали, что находимся в каком-то другом мире, не в том, который начинался за порогом их дома на улице Бурденко...

Однажды после такого домашнего семинара ЮрМих вышел в коридор проводить нас. Сказал: «Ну что, теперь по домам?», имея в виду, что мы, усталые дети, наконец отдохнем. И тут я, ни секунды не думая (обычный мой способ коммуникации в то время), скорчила печальное лицо и сказала: «Да нет, какое там домой! В главное здание надо идти» – «Зачем?» – «У нас лекция». Тут надо пояснить, что был конец мая, а ЮрМих очень часто, увлекшись чем-то в середине года, не успевал дочитать курс до конца и назначал нам дополнительные лекции. Вот и теперь. «Что за лекция? – удивляется ЮрМих. – Ведь уже 9 вечера!». «Ваша лекция, – говорю, – вы, Юрий Михайлович, и назначили»... ЮрМих, делавший культ из своей пунктуальности, ЮрМих, который, даже опаздывая на две минуты, говорил, что это ратушные часы спешат, – ЮрМих изменился в лице. Да, я сделала это. Я разыграла ЮрМиха! В первый и последний раз в своей (а может быть, и в его?) жизни. Наверное, это так останется моим единственным филологическим достижением.

Филолога из меня так и не получилось. И все-таки всем лучшим во мне я обязана Тартускому университету.

Если бы мне сейчас приснилась Зара Григорьевна, идущая по дорожкам Тяхтвере, я бы нашла, о чем у нее спросить. Уж не о курсовой работе, конечно! Я бы спросила у нее про своего дедушку: что она

о нем знала? А ведь она знала... Это выяснилось после истории с альманахом.

Тут требуется вставная новелла. Зима 84-го была мрачной: мерли генсеки, наших мальчиков забрали в армию, шла война в Афганистане, все время хотелось есть, спать и пить «Токайское»... Как-то спонтанно мы решили издавать альманах. Название придумалось сразу: «Тартуские страницы» (привет «Тарусским»). В предисловии мы самоуверенно заявили, что не ставим перед собой политических целей, только литературные. Как будто не понимали (или все-таки как-то туманно, одной половинкой мозга понимали?), что любой самиздат был уже сам по себе политической крамолой. Уж я-то могла догадаться – наш дом был набит тамиздатом, и я знала, что в Москве начала 80-х сажали просто *за книжки*. Мне было немного страшно, и я спросила у папы, что он будет делать, если придут и спросят. С восхитительной легкостью папа ответил: «Скажу, что кто-то мне дал почитать, а кто – не помню»... На книжках, правда, были дарственные надписи «Дорогому Талику от Лиды», но об этом я тогда не подумала. Зато вспомнила, что моя старшая сестра подрабатывает машинисткой. Она и распечатала нам 10 экземпляров альманаха, и мы подшили их в серые картонные *папки для бумаг*.

Роман Май Халтуриной, рассказы Сани Пятецкого, стихи Кириллы Жукова и Юры Володарского, анекдоты про кролика Юли Сидорчук... Кроме авторов, в состав редколлегии вошли непишущие – Алиска Заблоцкая и Дима Бальзак. Альманах имел успех, судя по тому, что математики даже написали на него пародию. Особенно удалась пародия на мою прозу, что вызвало одновременно досаду и чувство гордости. А потом Павел Семенович Рейфман пригласил меня домой. Он устроил мне короткую головомойку: отругал за самодеятельность и объяснил, какой опасности мы подвергаем кафедру и факультет. Тем более что пару лет назад на эстонском потоке уже были такие, плохо закончившие литераторы... «Если отпечатано больше четырех экземпляров – могут пришить *распространение*», – сказал Павел Семенович. Шесть из десяти нужно было уничтожить. Я дала слово Павлу Семеновичу и сдержала – разорвала их на мелкие клочки и выбросила в мусорный бак во дворе общежития.

Мастер конспирации, Павел Семенович придумал спасительный ход: наша редколлегия задним числом была объявлена литературным кружком при СНО¹, и руководителем одного стал Леонид Наумович Столович, преподаватель марксизма. Идеальная, политически выдержанная декорация! Мы даже пару раз собирались под руководством Столовича, но быстро увяли. Моих дружков Володарского и Жукова тоже забрали в армию, свой роман я так и не дописала, дело заглохло без последствий. Прошло много лет, прежде чем я действительно поняла, почему наши литературные шалости так напугали Павла Семеновича. Он испугался за нас, молодых идиотов. Бросился нас спасать...

Тут надо бы уж заодно вспомнить историю, которая в обиходе называлась «Как Павел Семенович гонял нас с собаками». В марте были выборы в Советы. Прописанные в общежитии и причисленные к местным избирательным участкам, мы должны были голосовать за блок коммунистов и беспартийных. А мы не хотели. И не потому, что такие умные, гордые и антисоветские. Просто было противно. А еще лень: воскресенье, спать хочется... Мы заперлись в своей комнате, уже зная, что Павел Семенович пришел в общежитие с собакой Ильенкой и проверяет по комнатам, кто проголосовал, а кто нет. Вот его шаги и перед нашей дверью. Лай. Стук. Он стучит, а мы не открываем...

Потом мы все-таки открыли и с печальной покорностью судьбе отправились голосовать в театр Ванемуйне, где был наш избирательный участок. В первый и последний раз в своей жизни я посетила тогда этот театр. И конечно же, я тоже не понимала, что из-за каких-то дурацких выборов подвергаю опасности и себя, и кафедру, и что Павел Семенович снова пришел нас спасать.

Тот факт, что и Зарочка знала про наш альманах, обнаружился для меня случайно. Из вторых рук, из третьих уст мне передали ее благожелательный отзыв о моих писаниях. «Мая Халтурина – талантливая девочка, – будто бы сказала Зара Григорьевна. – Но это неудивительно, ведь ее дед был обэриутом». Господи, почему она так сказала? И почему я ее не расспросила? Была ли она знакома с дедом

¹ СНО – Студенческое научное общество. – *Ред.*

или только знала о нем? А она могла знать – ведь Зара Григорьевна защищала кандидатскую диссертацию по детской литературе 20–30-х годов. Дед не был, конечно, обэриутом. Но он дружил с обэриутами. Был журналистом, редактором, критиком. Работал в «Чиже» и «Еже», «Новом Робинзоне», «Ленинских искрах». Деда я никогда не видела, но чем старше становлюсь, тем больше меня завораживает его неуловимая, ускользающая личность. Постеснялась ли я тогда спросить у Зарочки про него или просто поленилась? Снова она показала мне маленькую, еле видимую дверь в стене, но я не решилась в нее постучать, а теперь уже навсегда поздно.

В те дни, когда мы узнали о смерти Зары, в Тарту стояла хмурая осень. Казалось, что отключили воздух и город накрыт серой войлочной крышкой, а не облаками. Похороны же Зары Григорьевны запомнились как прекрасный праздник – музыка в ауле, белые хризантемы, полупрозрачные деревья на кладбище... А после поминок мы сидели у Кузовкиных на Койду и почему-то весь вечер хохотали. Мы были молоды и живы, а в смерть Зары Григорьевны мы не верили. Наверное, потому что она умерла не в Тарту, а в Италии, в прекрасном далеке, нам казалось, что она куда-то уехала. Навсегда уехала куда-то еще дальше, чем Италия. Мы просто не знали, куда.

Какими бы несмышленишами мы ни были, мы все-таки сразу, с первой же лекции и навсегда поняли ее невероятный человеческий масштаб. Мы всегда знали, что встреча с нею – огромное событие в нашей жизни. И это событие все еще продолжается. Свет, который исходил от Зары и заполнял собою тартускую вселенную, все еще отражается в нас.